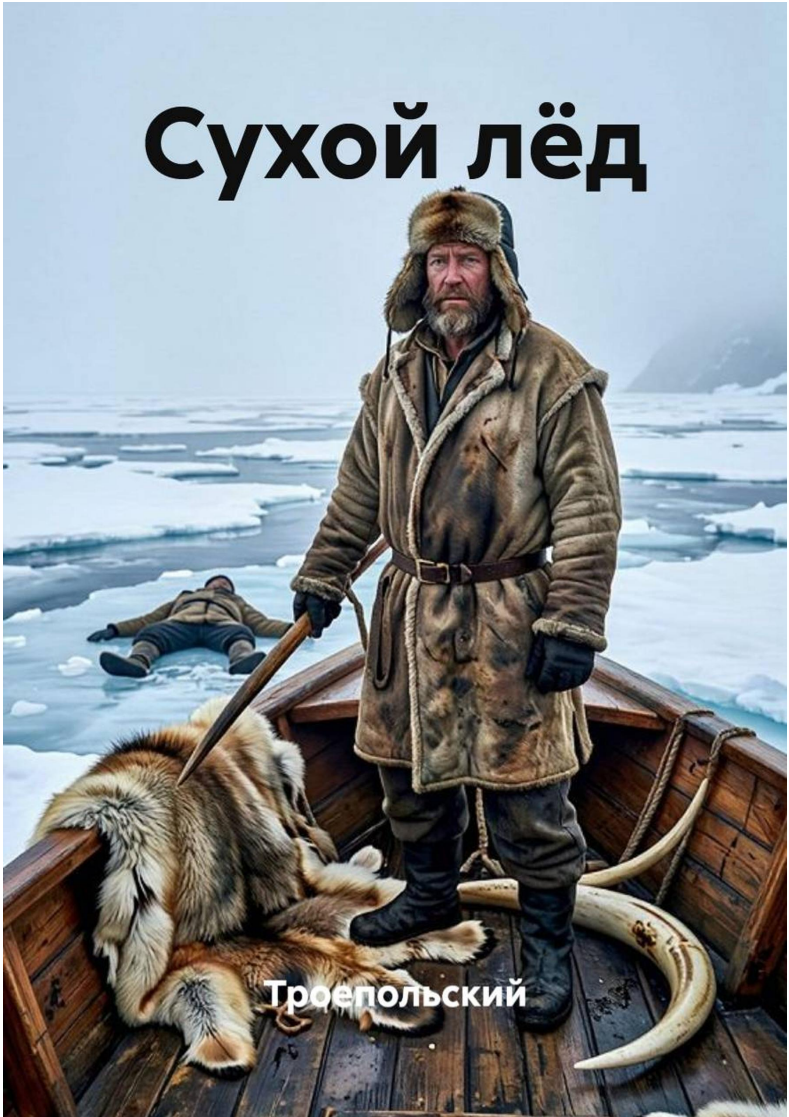
Сухой лёд

Троепольский

Троепольский Троепольский
Сухой лёд

https://litres.ru/74691584
SelfPub; 2026

Аннотация

1772 год. Грумант — так поморы зовут Шпицберген. Промысловая артель уходит домой с полным трюмом: сало, шкуры, моржовый клык — вся зима своей деревни. По приметам кормщика Осипа Прокшина до ледостава пять дней, и он знает это по льду так же верно, как по компасу.

Но у выхода из бухты, во льдах, умирает английский китобоец. Сорок семь матросов ушло в море — двадцать один жив, на ногах держатся девять. Цинга делает своё дело, а капитан просит только воды — потому что воды хватит лишь на то, чтобы не умереть сегодня.

Чтобы вытащить чужих, надо сбросить за борт свой промысел и рискнуть ледовым пленом. Кормщик уже платил эту цену однажды: двадцать лет назад его артель спасла чужое судно — и пятеро русских остались на этом берегу, среди них его брат.

Артель против: за одного чужого — восемнадцать своих? У старосты шестеро детей и долг, за который зимой платят хлебом.

Один человек против льда, счёта и собственной памяти. Рассказ о выборе, у которого нет правильного ответа.

Содержание

Глава 1. Лёд на воде шумит 4
Глава 2. Борт 7
Конец ознакомительного фрагмента. 9

Троепольский
Сухой лёд

Глава 1. Лёд на воде шумит

Пятого сентября 1772 года по старому счёту в Крестовой губе на Груманте стоял туман такой густой, что вода и небо сошлись в одно молоко. Чайки, которых в губе держалось несметно, сидели на воде и молчали: ни крика, ни взлёта.

Кормщик Осип Григорьевич Прокшин стоял на юте, держась за ванту, и слушал.

Слушать он умел вернее, чем глядеть. Под водой, по низу, шёл ровный шорох. Так шуршит не вода: так трётся лёд о лёд у горла губы.

— Басско ноне, — сказал за плечом Тимофей, племянник. Семнадцать лет, второй год в артели, а всё дивится в тумане, как дитя.

— Басско, — согласился кормщик. — Только гость незваный.

— Который гость?

— Лёд. — Осип отпустил ванту. — Считаю: пять дён, и губу запрёт. А может, и меньше.

Маленький Ондрюшка, юнга, двенадцать лет, волок по палубе кожаный мешок с солью и был белым по самые бро-

ви: лицо в сале, как маска. Он засмеялся чему-то своему и шлёпнулся на карачки.

Осип смотрел, как шестнадцать человек и один мальчишка втаскивают в трюм бочки. Сто девяносто пудов сала, шестьдесят шкур, двадцать два пуда моржового клыка — лучшая добыча за три года. В Варзуге её ждали, как ждут хлеб. Задаток от дома Неклюдовых, триста рублей, был проеден вперёд ещё в мае: на соль, на муку, на сети, на ржавое железо для багров. Долг, отданный товаром, — отданный долг. Долг, съеденный, съедал человека.

— Завтра с полной водой, — сказал Осип негромко, но его услыхали все. — Больше по берегу не ходим. Всё. Готовься к переходу.

Михайло Шаньгин, староста, вытер руки о передник и отозвался первым:

— Пора, — сказал он. — Давно пора.

Тут Тимофей, стоявший у борта, вдруг перестал смотреть на Ондрюшку. Он поднял голову, прищурился в туманную муть за мысом и сказал неуверенно:

— Дядя Осип. Там мачта.

Осип взошёл на каменную гривку, что горбилась над водой у восточного берега. Отсюда, поверх тумана, было видно: две мачты, стеньги, косые реи, обломанный бушприт. Судно стояло во льду неподвижно и, судя по наклону, уже лежало на боку.

За мыском, на плоском камне, чернел от непогоды теса-

ный крест. Из-за него и губа звалась Крестовой.

— Шлюпку на воду, — сказал кормщик.

Глава 2. Борт

Весла шли тяжело. Шуга стояла в заливе мелкими белыми лепёшками и мягко, сыто стукалась о борт, будто просила ещё.

Форштевень английского судна выступил из тумана тёмной стеной. Триста тонн, не меньше. Хорошее судно, которое сломалось. Название — «Провидение» — он узнает позже, от Бейли.

На палубе не пахло судном: пахло мёртвым и сладким. Осип знал этот запах с четырнадцати лет — с того лета, когда впервые вернулся с Груманта в Варзугу и не нашёл в живых матери.

Матрос у фальшборта не обернулся на скрип уключин. Он смотрел в туман и грыз ноготь большого пальца.

— Есть кто живой? — спросил Осип.

Матрос медленно повернул голову. Лицо у него было серое, и на носу у него сидели круглые очки. Осип так и ахнул про себя: матрос в очках.

— Живые есть, — ответил тот по-русски, с трудом выговаривая слова. — Капитан на шканцах. Идите за мной, господин.

Он назвался Гарри Бейли. Родом из Гамбурга, в молодости ходил штурманским учеником в Архангельск за лесом, русский помнил худо, но помнил.

На шканцах, в кресле, привязанном ремнём к битенгу, сидел человек. Ноги у него были укутаны в парусину, как в саван. Лицо жило, но не в полную силу: кожа на скулах обтянула кость и пошла пятнами, губы запеклись, а десны — Осип пригляделся — десны были черны и вздуты, как от пчелиного укуса. Вокруг кресла стояли пятеро матросов. Стояли не потому, что держали вахту, а потому, что уже не могли лежать: ноги у всех были распухшие до синевы и обмотаны тряпками.

— Капитан Эдвард Тэлбот, — сказал Бейли. — Господин Прокшин.

Тэлбот заговорил тихо, длинно и с достоинством, будто на приёме. Бейли переводил сбивчиво, торопливо, но Осип и без слов понял главное: главное было написано на самом судне.

Они шли из Хита на промысел в июне. В августе потеряли вельбот с четырьмя матросами — вельбот ушёл в туман, а через сутки поднялся ветер, и искать стало нечем. Вода в бочках протухла ещё в конце июля, и с тех пор они пили морскую, разбавленную вином, чтобы не блевать. Девятнадцатого августа шторм прижал их к берегу, в этот залив, и с тех пор судно стояло, а лёд приходил и обкладывал его со всех сторон, как обкладывают зверя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.